

ПОСЛЕДНИЕ КНИЖИ УЗНИКОВ ИПАТЬЕВСКОГО ДОМА

Трагическая судьба Николая II и его семьи освещена во многих публикациях. Такие издания, как "Дневники императора Николая II" (М., 1991), "Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г." (Новосибирск, 1999), а также воспоминания современников дают возможность проследить день за днем жизнь находящейся в заточении царской семьи и то, как она была связана с книгой и чтением. Доктор педагогических наук, профессор Московского государственного университета культуры и искусств Александр Евгеньевич ШАПОШНИКОВ в своей статье анализирует опубликованные материалы с читателеведческой точки зрения. Это позволяет, с одной стороны, посмотреть на Романовых как на представителей той части русской читающей публики, которая следовала нормам общечеловеческой морали, а с другой — отметить особую (библиотерапевтическую) роль чтения, которую оно приобрело в условиях тюремного заключения.

Семья Николая II была доставлена в Екатеринбург из Тобольска (где она находилась в ссылке с августа 1917 г.) в два этапа. 30 апреля 1918 г. в Дом особого назначения (двухэтажный особняк горного инженера Н. Н. Ипатьева) был доставлен бывший император Николай Александрович Романов вместе с женой и дочерью (Марией). 23 мая из Тобольска были привезены остальные дети (Ольга, Татьяна, Анастасия и Алексей). Вместе с Романовыми в Доме особого назначения оказались: доктор Е. С. Воткин, горничная А. С. Демидова, повар И. М. Харитонов, лакей А. Е. Труш и др.

Дом Н. Н. Ипатьева произвел на Николая Александровича хорошее впечатление: "Дом хороший, чистый" (3, с. 675). По внешнему виду и внутренней отделке этот особняк был одним из лучших в городе, однако оказался все же малоприспособленным для большой семьи и многолюдной охраны. Это стало ясно вскоре после прибытия: "Устроились мы пока хорошо, — пишет из Екатеринбурга Мария Николаевна З. А. Толстой. — Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе, потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся" (13, с. 446).

В Ипатьевском доме (владелец которого и другие проживающие здесь лица были экстренно выселены) осталась "большая библиотека" (1, с. 127). В нем нашлось место и для книг, привезенных из Тобольска (при проведении белогвардейцами судебного расследования убийства царской семьи в доме Ипатьева и его службах были найдены книги, принадлежащие императрице и великим князям, Алексею Николаевичу). Однако в связи с введением "тюремного режима" гигиенические условия для чтения резко ухудшились по сравнению с теми, которые были в Тобольске. Жара и духота в комнатах, короткие прогулки (в день разрешалось гулять не более одного часа, а на вопрос "Почему?" последовал ответ: "Чтобы было похоже на тюремный режим"), неполадки с электричеством, доносившиеся из караульни революционные песни, которые охранники пели не без желания досадить узникам ("Вы жертвою пали", "Отречемся от старого мира", "Смело, товарищи, в ногу" и др.) —

все это действовало на нервы и мешало чтению. Окна не открывались, а единственное открытое по просьбе заключенных окно было скоро забрано решеткой. *“Старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна... Свет в комнатах тусклый и скука невероятная!”* (3, с. 678, 679). Но и в этих неблагоприятных условиях был сохранен тот распорядок жизни семьи, который предусматривал ежедневное обращение к книгам.

Совместные чтения (“чтения вслух”) практиковались в семье Романовых с первых лет супружества. Возможность такого проведения времени и духовного общения рассматривалась Николаем Александровичем как величайшее счастье в его жизни: *“Сидели в моем кабинете, я читал вслух! Не могу выразить, как я наслаждаюсь такими тихими спокойными вечерами, с глазу на глаз со своей нежно любимой женой! Невольно сердце обращается к Богу с благодарною молитвою за дарование такого полного безграничного счастья на земле!”* (3, с. 69). Семейные чтения проводились регулярно. Обычно для них отводили часы после обеда. Николай Александрович читал жене отобранные им книги. К супругам часто присоединялась великая княгиня Елизавета Федоровна (сестра Александры Федоровны).

Такие чтения продолжались и в дни заточения.

Вот как описывает проведение семейных чтений в Царском Селе П. К. Дитерихс: *“Вечером после чая Отец приходил в комнату Дочерей. Ему ставили кресло, столик и Он читал вслух произведения русских классиков, а Жена и Дочери, слушая, рукодельничали или рисовали”* (1, с. 139). Ему вторит Т. Е. Мельник-Боткина: *“Его Величество приходил к ним, когда они уже лежали в постелях. Великие Княжны приготовляли для Него кресло и маленький столик с лампой и книгой посреди комнаты, чтобы им всем было хорошо слышно, и трогательно было видеть, как дочери и отец искали*

утешения и развлечения в обществе друг друга” (7, с. 58—59).

Широкую аудиторию собирали домашние чтения в Tobольске. По вечерам семья рассказывалась в зале, куда также приходили Е. С. Боткин, В. А. Долгоруков, И. Л. Татищев и А. В. Гендрикова с Е. А. Шнейдер. В Екатеринбурге этот “читательский кружок” распался — князь Долгоруков, генерал Татищев, графиня Гендрикова и гофлектриса Шнейдер были арестованы сразу же после прибытия в Екатеринбург. Их судьба оказалась аналогичной судьбе царской семьи — они были расстреляны чекистами. В 1981 г. Долгоруков и Татищев были канонизированы Русской зарубежной православной церковью (под именами святых мучеников-воинов Василия и Ильи).

В Екатеринбурге “чтения вслух” приобрели чисто семейный характер. Каждый день одна из девочек читала матери “Духовное чтение”, т. е. “Полный годичный курс кратких поучений, составленных на каждый день года” (Г. Дьяченко). Больному Алексею (он в день приезда, вечером, ушиб колено и у него появились сильные боли) Татьяна читала роман “Крестоносцы” Г. Сенкевича, а отец — “Морские рассказы” Беломора. Вниманию всей семьи Николай Александрович предложил “хорошие рассказы” Н. А. Лейкина “Неунывающие россияне”, а также книгу А. Т. Аверченко “Синее с золотом”. Читал он вслух и книгу “Великое в Малом” С. Нилуса. В репертуар домашних чтений входили произведения М. Метерлинка (на французском языке).

Николай Александрович и Александра Федоровна были искренне верующими, глубоко религиозными людьми. Поэтому домашние чтения нередко принимали духовно-нравственный, религиозный характер. В них включались отрывки из Библии. В религиозных чтениях участвовал и Е. С. Боткин. Вместе с царем, по очереди, он читал 12 Евангелий.

Интуитивно, а в какой-то мере и осознанно старшие Романовы останавливали свой выбор на произведениях, помогавших преодолевать отрицательные эмоции, чувства уныния и безысходности. Библиотерапевтическую роль чтения принимал во внимание и доктор Боткин, настаивая в своей докладной записке “В областной исполнительный комитет господину председателю” на допуске в Ипатьевский дом преподавателя Гиббса и воспитателя Жильяра. В ней он указывал на то, какую помощь они оказывают страдающему жесточайшими болями Алексею: *“Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменою впечатлений оталдевают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их”* (7, с. 114).

Царские дети нуждались в продолжении своего образования, прерванного революцион-

ными событиями. Еще в Тобольске удалось возобновить обучение цесаревича и двух младших великих князей. «Им преподавали: "Государь — историю Алексею Николаевичу, Государыня — богословие всем детям и немецкий язык Татьяне Николаевне. Математику и русский язык преподавала Витнер. Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной, Жильяр и Гиббс преподавали французский и английский языки» (13, с. 378). В Екатеринбурге эта система преподавания была разрушена — С. И. Гиббс и П. Жильяр так и не были допущены в Ипатьевский дом (им сказали, что они "свободны"), А. В. Гендрикова была арестована, помещена в тюрьму, а затем расстреляна. Регулярные занятия прекратились, а с ними и учебное чтение.

Лидером домашних чтений в семье был безусловно Николай Александрович. Именно он определял их репертуар и мог служить примером высокой культуры чтения. Проведенный нами анализ его дневников за 1894—1896, 1904—1907, 1913—1918 гг. показал, что его чтению были присущи такие характеристики, как большая регулярность и интенсивность, широкий языковой диапазон (литература на русском, английском, французском языках), осознанные цели и методы чтения (15, с. 492). Однако далеко не все эти характеристики могли быть реализованы в условиях заточения.

До своего отречения от престола Николай II имел неограниченные возможности пользоваться книгами и периодическими изданиями. Только в его личной библиотеке к 1917 г. насчитывалось 15 720 томов (10 915 названий) по различным отраслям знания. В ней была духовно-нравственная литература, философская, историческая, хроника императорской фамилии, военная, юридическая, естественно-научная, медицинская, литература по сельскому хозяйству, промышленности, железнодорожному транспорту, беллетристика (4, с. 24). Опираясь на помощь библиотекаря (С. А. Щеглова), Николай II каждый месяц просматривал не менее 20 предлагаемых его вниманию книжных новинок (на русском и иностранных языках). Укоренившаяся привычка постоянного общения с книгами пригодилась в условиях заточения, когда чтение стало одним из немногих средств заполнения досуга. Даже пилка дров, расчистка дорожек и скалывание льда, чем Николай Александрович с удовольствием занимался в Тобольске, не были ему разрешены после перехода на "тюремный режим".

В книжном шкафу хозяина дома Николай II обнаружил сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые и стал читать том за томом. Похоже, что Николай Александрович впервые открыл для себя этого замечательного сатирика. Он с большим интересом прочитал "Господа Головлевы" и другие произведения: "очень нравятся мне его повести, рассказы и статьи", "занимательно и ум-

но". Думается, что критический взгляд М. Е. Салтыкова-Щедрина позволил Николаю II многое понять в окружающей его послереволюционной действительности.

Не знал раньше Николай II и четвертую часть "Войны и мира" Л. Н. Толстого (это отмечено в дневнике). «И Мария, и я зачитывались "Войной и миром"» (3, с. 679). Обратился он и к "Неоконченной повести" А. Н. Апухтина.

В Екатеринбурге Николай II читал не только художественную, но и историческую литературу. Он пишет: «Всю эту неделю читал и сегодня кончил историю "Имп. Павла I" Шильдера — очень интересно» (3, с. 682). Таким образом, Николаю Александровичу удалось и в Ипатьевском доме найти книги, соответствующие его читательским интересам. В то же время одним из самых больших лишений было почти полное отсутствие в Ипатьевском доме периодических изданий. Одно время приходила газета "Екатеринбургский рабочий" (Николай II ее выписал), но затем и она исчезла. Бывший император не мог следить за разворачивающимися в России и за рубежом событиями (другое дело было в Тобольске: в воспоминаниях комиссара Временного правительства В. С. Панкратова говорится о том, что "кроме русских газет, Николай II получал английские и французские газеты и журналы") (7, с. 138).

Еще в Тобольске Николай II пришел к выводу, что он оказал России плохую услугу своим уходом. По свидетельству Жильяра, "эта мысль стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний" (6, с. 187).

Александра Федоровна, измученная опасениями за жизнь больного гемофилией сына и судьбу всей семьи, предпочитала больше слушать, чем читать самостоятельно. Она страдала различными недомоганиями, ограничивающими ее физическую активность (передвигалась на коляске, часто лежала). Жаловалась она и на состояние зрения: "Не могу читать более 5 минут из-за того, что еще болт глаза" (дневник, 9 июля 1918 г.).

По свидетельству А. А. Вырубовой, Александра Федоровна "с интересом читала религиозные книги на всех языках, интересовалась религиями всего мира, читала переводы книг персидских и индийских религий и т. д." (11, с. 186). Среди принадлежащих ей книг, найденных в доме Ипатьева, "Лествица" (некоторые страницы книги отчеркнуты и отмечены карандашом), книга "О терпении скорбей" (очень много карандашных отметок и подчеркнутых мест), "Молитвослов", "Библия" (в ней также много подчеркнутых карандашом тезисов). В личной библиотеке Александры Федоровны находились тома собрания сочинений А. П. Чехова, "Рассказы для выздоравливающих" А. Т. Аверченко и др., говорящие об интересе к юмористической литературе (нет ли и здесь стремления

использовать книгу как библиотерапевтическое средство?).

Как и Николай II, Александра Федоровна вела дневник с удивительной педантичностью, каждый день, фиксируя в лаконичных записях все то, что она считала нужным отметить. События дня расписаны по часам, что дает возможность представить их последовательность и то место, которое занимало чтение в бюджете свободного времени. Помимо чтения отмечены такие занятия, как игра в карты (безик), плетение кружев. Были дни, когда Александра Федоровна слушала чтение утром, в середине дня и вечером. Так, утром 6 мая 1918 г. Николай Александрович читал жене и дочери Евангелие и "«Великое в Малом» С. Нилуса, после обеда снова читал вслух, а с 5 часов вечера Мария Николаевна читала им "Духовное чтение".

Содержание чтения детей всегда находилось под строгим контролем преподавателей и родителей (прежде всего Александры Федоровны, поскольку Николай II всецело передал императрице заботу об их воспитании). Дети не допускались в комнату, где на столе были разложены книжные новинки, подготовленные библиотекарем для ознакомления (в Царском Селе). Даже просмотр кинофильмов осуществлялся с купюрами (из лент вырезали пикантные эпизоды). Детей старательно ограждали от всего, что казалось их воспитателям непристойным. Показателем в этом отношении эпизод, переданный Жильяром. Предлагаемые для прочтения книги и тексты он предварительно тщательно просматривал, отмечая на полях места или главы, которые следует пропустить, с тем, чтобы потом кратко передать их содержание (он делал это "из предосторожности"). В начале урока он просил дать ему список слов, которые оказались трудными для понимания. И вот как упущение со своей стороны, как одну из неприятнейших минут своей педагогической карьеры Жильяр увидел в списке слов, не понятых Ольгой Николаевной, французское "сильное выражение", которое употребил один из героев битвы при Ватерлоо. Чтобы избежать щекотливого объяснения, Жильяр просто вычеркнул это злосчастное слово и вернул ей список, не объясняя его значение, но оказалось, что Ольга Николаевна уже спросила об этом слове у отца. Николай II тактично разъяснил дочери, что это очень сильное выражение, которое повторять не надо, но что в устах генерала, его сказавшего, оно было в ту минуту самым прекрасным словом французского языка (6, с. 46—47).

Учительница К. М. Битнер, которая вела занятия с царскими детьми в Тобольске, обнаружила, что они мало читали Пушкина, еще меньше Лермонтова, а о Некрасове и не слышали. Чтение вслух poem Некрасова "Русские женщины" и "Мороз, Красный нос" произвело

на них потрясающее впечатление ("Как это нам никогда не говорили, что у нас был такой чудный поэт" — удивлялись княжны) (7, с. 141—142). Видимо, Николай II и Александра Федоровна, которая входила во все мелочи жизни своих детей, выбирая им книги и занятия, что-то все же упускали в их умственном воспитании.

Царские дети находились на различных ступенях читательского развития. Наиболее выделялась в этом отношении Ольга Николаевна, обладающая очень живым умом. Она производила впечатление типичной русской девушки с тонкой душой. "Она не любила хозяйства, но любила уединение и книги... была развитая и очень начитанная" (13, с. 370). В ее личной библиотеке оказались книги на английском и французском языках (в числе последних "Франция на все века" и "Орленок" Э. Ростана).

Татьяна Николаевна более всех сестер напоминала мать и была ей самым близким человеком, другом и советчиком. Из 26 книг ее личной библиотеки — 15 подарены матерью (в основном это богослужебная литература, жития святых). В библиотеке Татьяны Николаевны оказались книги на церковно-славянском, русском, английском и французском языках. В книжных собраниях великих князков находились и такие издания, как "История Петра Великого" Чистякова, сочинения Лажечникова.

Счастливым одаренный от природы, Алексей Николаевич развивался бы вполне правильно и равномерно, если бы этому не препятствовал его недуг. Для его обучения можно было использовать только промежутки времени между заболеваниями. Это, как отмечал Жильяр, крайне затрудняло его образование (13, с. 162). Предметами его обучения в возрасте 9—10 лет были языки — русский и французский, арифметика, история, география и Закон Божий. В Тобольске был составлен план его обучения, включающий занятия и по английскому языку. В Екатеринбурге состояние здоровья Алексея Николаевича ухудшилось. Он лежал большую часть дня в постели, а когда выходили на прогулку, отец нес его до сада на руках (дядька наследника — бывший матрос царской яхты "Штаандарт" К. Г. Нагорный, выполнявший эту обязанность, в Ипатьевском доме был взят под стражу, посажен в тюрьму и вместе с другим матросом, И. Д. Седневым, который служил лакеем при великих князках, был расстрелян).

Алексей Николаевич не особенно любил читать, но с удовольствием слушал: чтение отвлекало его от страданий.

После убийства царской семьи была найдена книжка с вложенными в нее листками, на которых рукою Ольги Николаевны были переписаны два стихотворения ("Перед иконой Богоматери" и "Молитва"). Вот одно из них (С. Вехтева):

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В году буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов (10, с. 348).

Примечательна судьба дома Ипатьева, в котором произошло убийство царственных узников и их ближайшего окружения (в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.). До 1945 г. на доме висела памятная доска; функционировал музей, в котором экспонировались личные вещи расстрелянной царской семьи. Затем музей был закрыт, хотя к Ипатьевскому дому люди ходили всегда (5, с. 56). Они заглядывали в окна, просто молча стояли и смотрели на старый дом. Страх перед нарастающим с 1960-х гг. паломничеством людей в Екатеринбург (тогда Свердловск) вызвал секретное постановление Политбюро ЦК КПСС о сносе дома Ипатьевых. Осенью 1977 г.

его снесли, а место залили асфальтом. С 1990 г. начали строить Храм-на-Крови (средства на сооружение обеспечили Фонд губернаторских программ и уральский бизнес). Это — грандиозное сооружение высотой 40 метров, а вместе с крестом — более 50. Оно рассчитано на одновременное пребывание в храме пяти тысяч человек (площадь собора 2600 квадратных метров). Храм-на-Крови был торжественно открыт летом 2003 г. За три года до этого Архиерейский собор Русской православной церкви постановил прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников российских царскую семью: императора Николая II, императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию (2, с. 58). 20 августа 2000 г. состоялся чин прославления новых святых.

1. Волков А. А. Около царской семьи. — М.: Анкор, 1993. — 222 с.

2. Деяние юбилейного освященного Архиерейского собора Русской православной церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников русских

XX века, Москва, храм Христа Спасителя, 13—16 августа 2000 г. // Московский журнал. — 2000. — № 10. — С. 50—60.

3. Дневники императора Николая II. — М.: Орбита, 1991. — 736 с.

4. Дуров В. А. Книги в семье Романовых. — М.: Наш дом, 2000. — 172 с.

5. Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 184 с.

6. Жильяр П. Император Николай II и его семья: [Репринт. воспр. изд. 1921 г.]. — М.: Мегapolis, 1991. — 245 с.

7. Мельник Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. — М.: Анкор, 1993. — 207 с.

8. Последние дневники императрицы Александры Федоровны. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г.: Сб. доку-

ментов. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — 341 с.

9. Радвинский Э. "Господи... спаси и умири Россию". Николай II: Жизнь и смерть. — М.: Вагриус, 1993. — 508 с.

10. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. — М.: Сов. писатель, 1991. — 365 с.

11. Фрейлиха Ее Величества. "Дневник" и воспоминания Анны Вырубовой. — М.: Сов. писатель, 1991. — 269 с.

12. Хейфец М. Царубийство в 1918 году: версия преступления и фальсифицированного следствия. — М.: Фестиваль, 1992. — 333 с.

13. Царские дети. — М.: Сретенский монастырь, 1999. — 448 с.

14. Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь: Новая книга: Ковчег, 1999. — 592 с.

15. Шапошников А. Е. Чтение императора Николая II (По дневниковым записям) // Библиотека в контексте истории: Материалы 5-й междунар. науч. конф., Москва 21—23 апр. 2003 г. — М., 2003. — С. 491—497.